

Што тычыцца Грэка-уніяцкай калегіі, то адкрыццё яе было прызнана немагчымым з-за адсутнасці сродкаў, памяшканняў і навучэнцаў [1, с. 13].

Такім чынам, далучэнне беларускіх земляў у выніку трох падзелаў Рэчы Паспалітай да Расійскай імперыі садзейнічала звароту уніяцкага вярхоўнага духавенства і насельніцтва краю да старажытных, блізкіх праваслаўю традыцый.

Літаратура

1. Філатава А.М. Уніяцкая царква і Полацкі сабор 1839 г. // Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX стст.). – Мн., 1998.
2. Шейкин Г.П. Полоцкая епархия: историко-статистическое обозрение. – Мн., 1997.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Мінску (далей – НГАБ) ф.1430, воп.1, спр.7623.
4. Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен – Мн., 1999.
5. Стрельбицкий И. Униатские церковные соборы с конца XVI в. до воссоединения униатов с православною церковью. – Вильна, 1888.
6. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Полацка. – Мн., 2002.
7. Сапунов А.П. Исторические судьбы Полоцкой епархии с древнейших времен до половины XIX в. – Витебск, 1889.
8. Записки Василия Лужинского, архиепископа Полоцкого. – Казань, 1885.
9. НГАБ ф.3219, воп.1, спр.770.
10. Станкевіч А.Д. Хрысціянства і беларускі народ (спроба сынтэзы). – Вільня, 1940.
11. Афонский П. Что такое уния, как она начиналась и как окончилась. – Мн., 1898.

УДК 94(476)

Н.В. Рожкова (г. Гомель, Беларусь)

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ АНТИСЕМИТИЗМА НА ГОМЕЛЬЩИНЕ В 20 – 30 гг. XX в.

Антисемитизм как проблема межнациональных отношений имеет достаточно глубокие исторические корни. Отношение к евреям в современном обществе формируется на опыте совместного проживания, которое берет свое начало в средневековье. Уже в то время на территории Беларуси существовал антисемитский стереотип - устойчивое представление о типичных особенностях еврейского населения.

В 20 – 30 гг. на Гомельщине антисемитизм встречался в трех основных формах: дискриминации, в виде погромов; латентного антисемитизма – притеснения еврейского населения на государственном уровне (скрытый государственный антисемитизм); стереотипизации – распространения негативного стереотипа (стигматизации) в межличностных взаимоотношениях. В качестве основных причин антисемитизма выступают социально-экономические, общественно-политические, религиозные и этнопсихологические факторы.

В начале 20-х гг. мотивацией большинства погромов выступали политические причины, суть которых сводилась к обвинению евреев в приверженности к коммунизму и в шпионаже в пользу большевиков. Инициаторами крупнейших погромов на Гомельщине в августе 1919 – июле 1920 гг. были польские оккупационные войска, в ноябре 1920 – январе 1921 гг. – вооруженные формирования Булак-Балаховича (балаховцы), в 1918 – 1922 гг. – группировки местного населения. К 1922 г. увеличивается количество погромов, организованных с целью ограбления еврейского населения. Польские войска заставляли евреев выполнять общественные работы, не обходясь без издевательств и убийств. Преследование евреев из-за их политических взглядов в значительной степени усугублялось антисемитскими настроениями самих поляков и балаховцев. На стороне последних иногда выступали местные жители, не считая того, что они часто указывали погромщикам дома евреев. В отличие от поляков и балаховцев, группировки местного населения целью своей деятельности избирали непосредственно погромы с целью наживы. Действо-

вали погромщики группами не более 50 человек каждая на территории Гомельщины и соседних с ней русских и украинских территориях. Так группировки под руководством Галаки (Василичукова И. В.) пришли на Гомельщину с Черниговщины [1, л. 11].

В ходе погромной деятельности росло количество убитых евреев. В местечке Копаткевичи Мозырского уезда 10 июня 1921 г. во время погрома было убито 175 евреев [2, л. 15].

Органы советского руководства все погромы в начале 20-х гг., определяли как «антисоветские». Организаторы погромов относили к криминальной категории «банд». Основанием был Декрет СНК РСФСР от 27 июля 1918 г. «О борьбе с антисемитским движением», в котором «погромщиков и ведущих погромную агитацию приказывалось ставить вне закона» [3, с. 27-28].

Латентная форма антисемитизма проявлялась в притеснении еврейского населения на государственном уровне в рамках проведения антирелигиозной работы, которая носила достаточно радикальные и репрессивные черты. Это позволяет условно говорить о присутствии скрытого антисемитизма, который в отличие от государственного институционализированного не был направлен против евреев как нации. Он проявлялся в конфискации религиозных зданий (синагог и молитвенных домов), закрытии традиционных религиозных школ (хедегов и ешив), преследовании национальных еврейских организаций (Гехалуц и др.), преследовании раввинов, меломедов, запрете древнееврейского языка – иврита. На законодательном уровне советская власть отменяла всякую религиозную дискриминацию и одновременно вела целенаправленную антирелигиозную работу на местном уровне. В рамках «наступления на религию» согласно постановлению от 23 февраля 1922 г. из синагог, как и из церквей и костелов, следовало конфисковать ценные вещи и драгоценности на нужды голодающих Поволжья. К 1 мая 1922 г. из синагог Гомеля было конфисковано 20 фунтов 62 золотых и 40 долей серебра, из синагог г. Речицы – 12 фунтов серебра [4, л. 75].

В 1922 г. началась кампания по массовому закрытию хедегов и ешив. К концу 20-х гг. они были практически полностью «ликвидированы» благодаря деятельности еврейской секции компартии (евсекции) при Гомельском Губисполкоме. Из-за радикальных средств, используемых евсекцией в своей деятельности, евреев-коммунистов называли «бандитами, продавшимися русским коммунистам». Евсекция также приняла активное участие в закрытии синагог на Гомельщине. До 1917 г. в Гомеле насчитывалось около 30 синагог и молитвенных домов, в январе 1925 г. по всей Мозырской округе было около 35 синагог [5, с. 155]. Закрытие и конфискация синагог проводились в 20-е гг. учитывая «настойчивые требования рабочих», а не самих верующих, как будто это их вообще не касалось. В 30-е гг. все, что связано с религией, оценивалось как контрреволюционное, то есть антисоветское. Средства «по борьбе с клерикализмом» стали применяться репрессивные. После массовых репрессий 1937-1938 гг. практически все легально существовавшие синагоги были закрыты.

Организации еврейской молодежи – Махаби (Юный Макиавел), Гашомер-Гацаир (Юный страж), Гехалуц содействовали эмиграции из советской Беларуси в Палестину. В качестве противодействия компартия предлагала свои пионерские и комсомольские организации. Борьба с молодежными «палестинскими» организациями велась с целью ослабить их влияние на еврейскую молодежь. «Уничтожение их влияния залог сохранения за собой всей оставшейся рабочей молодежи, которая является частью всемирного пролетариата и от этого же зависит пополнение, что должно случиться в связи с изменением их взглядов» [6, л. 62].

Советская политика в отношении евреев, гарантируя равные возможности и социальные субсидии (в виде наделения евреев землей), невольно активизировала антисемитские предрассудки и стереотипы. Политика земленаделения евреев, переселение их в этой связи на новые территории в Крым и Биробиджан, в условиях перенаселенности и малоземелья белорусской деревни вызывало сильное недовольство белорусских крестьян. Об этом свидетельствуют высказывания типа: «Для евреев Крым, а нашему брату Сибирь, и та недоступна» [7, л. 173]. В 1925 г. постановление Бюро ЦК КП(б)Б запретило употреблять в белорусском языке слово «жид», заменив его словом «еврей» [8, л. 15]. «Жид», как традиционно в бело-

русском и польском языках называли еврея, превращается в уничижительное прозвище и произносится как умышленное оскорбление. На уровне межличностных отношений это выражалось в форме оскорбительных реплик, разговоров, насмешек, хулиганства. Рост количества рабочих в городах за счет крестьян, которые характеризовались низким уровнем образования, консерватизмом и патриархальностью мировоззрения, сохранившие в своих взглядах негативные национальные стереотипы, способствовал распространению на предприятиях, где в состав рабочих входили евреи, антисемитских предрассудков.

Литература

1. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (далее - ГАООГО). - Фонд 2. - Оп. 1. - Д. 154.
2. Национальный архив Республики Беларусь. - Фонд 782. - Оп. 1. - Д. 1.
3. Аб антысемітызм: Матэрыялы для дакладчыкаў і групавых агітатараў. - Мінск. - 1927. - Вып. 3.
4. ГАООГО. - Фонд 1. - Оп. 1. - Д. 475.
5. Минова, Н. Проблема антисемитизма в межнациональных отношениях на Гомельщине в 20 - 30-е годы XX века / Н. Минова // Евреи Беларуси: История и культура: Сб. науч. тр. - Вып. 6 / сост.- ред. И. Герасимова. - Минск - 2001.
6. ГАООГО. - Фонд 1. - Оп. 1. - Д. 1229.
7. ГАООГО. - Фонд 69. - Оп. 1. - Д. 279.
8. ГАООГО. - Фонд 69. - Оп. 1. - Д. 252.

УДК 293

Б.И. Сидоренко (г. Могилев, Беларусь)

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ВИЛЬНО И МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ XV-XVI веков

К господствующей в Московском государстве конфессии относилось подавляющее большинство населения ВКЛ, в том числе и значительная часть ее правящей элиты. Это обстоятельство самым непосредственным образом оказало влияние на формирование западного направления внешней политики Ивана III, подерживаемой русской православной церковью и московскими митрополитами Засимой, Симоном и Варлаамом. О конфессиональной составляющей этой политики и пойдет речь в данной статье.

Внешнеполитическая линия молодой Московской державы по отношению к ВКЛ выстраивалась на основе искусственно созданной вотчинно-династической теории, подчеркивающей этнокультурное и конфессиональное единство Руси, которое должно быть дополнено единством политическим под эгидой потомков Александра Невского и Ивана Калиты [1, с.509, 540-541; 1а, с.16-19]. Однако в церковной среде такие внешнеполитические установки звучали не менее отчетливо. «И отец мой, князь великий Василий Васильевич - писал Иван III новгородскому архиепископу Ионе - и до королевы обсылки еще зарано, послышав толко о том Григорие, что идет от Рима не по нашей старине, а еще в литовскую землю не пришел, и он послал к брату своему с тем к королю: чтобы еси, брате, того Григория от Рима к себе не принимал на нашего отца на общего, на Иону митрополита, а новины бы еси не чинил, а наши бы старины не рушил: занеже, брате, старина наша от нашего прародителя великого князя Володимера, крестившего землю русскую» [2, с.708-709]. Международное положение также играло на руку Москве, и после взятия в 1453 г. турками Константинополя она оставалась единственной независимой православной столицей Старого Света. «Наряду с этим - указывал М.К. Любавский - после падения Царьграда в Москве все более и более укреплялась мысль, что великий князь Московский не только единственный правый государь всея Руси, но и единственный православный царь, призванный оберегать и защищать православное христианство» [3, с.20-201].

В историографии до сих пор сторонники и противники тезиса о притеснении православия в ВКЛ, усилившегося к концу XV в., приводят весомые доводы в пользу своих позиций.